

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ КОНГРЕСС:
*«БАНКОВСКИЙ БИЗНЕС И БАНКОВСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ:
СТРАТЕГИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»*

ДИСКУССИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ 1
ЭКОНОМИКА И БАНКОВСКИЕ СИСТЕМЫ

6 июня 2012 года

Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДИСКУССИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ 1

«ЭКОНОМИКА И БАНКОВСКИЕ СИСТЕМЫ»

<i>О.В. ВЬЮГИН, Председатель Совета директоров, ОАО «МДМ Банк», Москва.....</i>	<i>3</i>
<i>В.В. ЧИСТЮХИН, Директор Департамента финансовой стабильности, Банк России.....</i>	<i>3</i>
<i>С.В. КАЛЕЧИЦ, Начальник Главного управления монетарной политики и экономического анализа, член Правления, Национальный банк Республики Беларусь</i>	<i>4</i>
<i>Г.А. ТОСУНЯН, Президент, Ассоциация российских банков.....</i>	<i>4</i>
<i>А.И. СИМАНОВСКИЙ, Первый заместитель Председателя, Банк России, Москва.....</i>	<i>5</i>
<i>С. РОССИИ, Член Правления, Заместитель генерального директора, Банк Италии, Рим.....</i>	<i>5</i>
<i>Й. БОНГАРТЦ, Председатель Правления ООО "Дойче Банк", Москва.....</i>	<i>6</i>
<i>Н.Г. РАКОВА, Руководитель департамента "Стратегический маркетинг", ЗАО "Гизеке & Девриент - ЛОМО, ЗАО", Санкт-Петербург.....</i>	<i>6</i>
<i>А.В. ТУРБАНОВ, Генеральный директор, Государственная корпорация "Агентство по страхованию вкладов", Москва</i>	<i>6</i>
<i>О.В. ВЬЮГИН, Председатель Совета директоров, ОАО «МДМ Банк», Москва.....</i>	<i>7</i>
<i>А.Ю. СИМАНОВСКИЙ, Первый заместитель Председателя, Банк России, Москва.....</i>	<i>8</i>
<i>В.В. ЧИСТЮХИН, Директор Департамента финансовой стабильности, Банк России.....</i>	<i>9</i>
<i>С.В. КАЛЕЧИЦ, Начальник Главного управления монетарной политики и экономического анализа, член Правления, Национальный банк Республики Беларусь</i>	<i>10</i>
<i>С. РОССИИ, Член Правления, Заместитель генерального директора, Банк Италии, Рим.....</i>	<i>10</i>
<i>А.В. ТУРБАНОВ, Генеральный директор, Государственная корпорация "Агентство по страхованию вкладов", Москва</i>	<i>11</i>
<i>Г.А. ТОСУНЯН, Президент, Ассоциация российских банков, Москва</i>	<i>12</i>
<i>А.Ю. СИМАНОВСКИЙ, Первый заместитель Председателя, Банк России, Москва.....</i>	<i>13</i>
<i>Й. БОНГАРТЦ, Председатель Правления ООО "Дойче Банк", Москва.....</i>	<i>13</i>
<i>Н.Г. РАКОВА, Руководитель департамента "Стратегический маркетинг", ЗАО "Гизеке & Девриент - ЛОМО, ЗАО", Санкт-Петербург.....</i>	<i>14</i>
<i>А.И. МИЛЮКОВ, Вице-президент, Ассоциация Российских банков, Москва.....</i>	<i>15</i>
<i>О.В. ВЬЮГИН, Председатель Совета директоров, ОАО «МДМ Банк», Москва.....</i>	<i>15</i>

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ КОНГРЕСС

«БАНКОВСКИЙ БИЗНЕС И БАНКОВСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: СТРАТЕГИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»

ДИСКУССИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ 1

ЭКОНОМИКА И БАНКОВСКИЕ СИСТЕМЫ

Санкт-Петербург, 6 июня 2012 года

Модератор: Вьюгин Олег Вячеславович – Председатель Совета директоров, ОАО «МДМ Банк», Москва

Эксперты:

Бонгартц Йорг - Председатель Правления ООО "Дойче Банк"

Калечиц Сергей Валерьевич - Начальник Главного управления монетарной политики и экономического анализа, член Правления, Национальный банк Республики Беларусь, Минск;

Ракова Наталья Геннадьевна - Руководитель департамента "Стратегический маркетинг", ЗАО "Гизеке & Девриент - ЛОМО, ЗАО", Санкт-Петербург;

Росси Сальваторе - Член Правления, Заместитель генерального директора, Банк Италии, Рим;

Симановский Алексей Юрьевич - Первый заместитель Председателя, Банк России, Москва;

Тосунян Гарегин Ашотович - Президент, Ассоциация российских банков, Москва;

Турбанов Александр Владимирович - Генеральный директор, Государственная корпорация "Агентство по страхованию вкладов", Москва;

Чистюхин Владимир Викторович - Директор Департамента финансовой стабильности, Банк России, Москва.

О.В. ВЬЮГИН

Уважаемые коллеги!

У нас один участник панели задерживается. Гарегин Ашотович – очень важная фигура в нашей дискуссии, поскольку он представляет все банки. Поэтому его мнение очень важно. Давайте его подождём.

Итак, сегодня присутствуют эксперты дискуссии:

Турбанов Александр Владимирович - Генеральный директор, Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», Москва;

Ракова Наталья Геннадьевна - Руководитель департамента «Стратегический маркетинг», ЗАО «Гизеке & Девриент – ЛОМО, ЗАО», Санкт-Петербург;

Бонгартц Йорг – Председатель Правления Дойче Банка, Москва;

Росси Сальваторе - Член Правления, Заместитель генерального директора, Банк Италии, Рим;

Симановский Алексей Юрьевич - Первый заместитель Председателя, Банк России, Москва;

Тосунян Гарегин Ашотович – Президент, Ассоциация российских банков, Москва;

Калечиц Сергей Валерьевич - Начальник Главного управления монетарной политики и экономического анализа, член Правления, Национальный банк Республики Беларусь, Минск;

Чистюхин Владимир Викторович – Директор Департамента финансовой стабильности, Банк России, Москва.

Тема дискуссии получилась общая, она так сформулирована, что можно говорить практически о чём угодно. Но я попытаюсь ее направить. И начну с того, что наша тема: «Экономика и банковские системы».

Я задам всем участникам панели один вопрос, на который трудно ответить, провокационный. Но я думаю, что по мере высказываний по этому вопросу, может быть, мы кристаллизуем дальнейшее направление дискуссии.

Вопрос такой. Представим себе жизненную ситуацию – кризис, тем более что нам легко это сделать. Совсем недавно такой кризис был. В чём он проявляется? Спад производства, угроза безработицы, остановки предприятий, сокращение возможности бюджета финансировать социальные программы, или они оказываются под угрозой. И, конечно, банки начинают терять реальный капитал, поскольку из-за осложнений экономической ситуации заёмщики попадают в социальный дефолт либо в коммерческий дефолт. У Правительства очень ограниченное количество денег, в отличие от 2008-2009 года, когда у российского правительства было очень много денег. В нынешней ситуации денег очень мало, и нужно выбрать приоритеты, куда их направить: на поддержку предприятий, чтобы они не увольняли большое количество сотрудников; на капитализацию банков в необходимом количестве, чтобы предотвратить коллапс банковской системы, или пополнить социальные программы и платить в большем объеме пенсии, и так далее.

Вопрос каждому участнику дискуссии: какой здесь приоритет? Конечно, ответ такой, что всё важно. Подчёркиваю, что средств очень мало, или они ограничены, как в Греции. Они не могут напечатать евро. А могут только у кого-то попросить. На что направить средства? Поведение стран еврозоны, которые находятся в сложном положении, подсказывает ответ на этот вопрос.

Давайте так сделаем: слева направо, начнём, Владимир Викторович, с вас.

В.В. ЧИСТЮХИН

Мне представляется, что ответ достаточно очевиден. Средства должны быть направлены либо на капитализацию банков, если мы говорим о правительстве, либо, мы говорим о предоставлении ликвидности, если речь идёт о Центральном Банке. Почему? Потому что очевидно, что в рамках нормально работающей

экономики, именно банки должны быть проводником ресурсов для реального сектора, которые не могут получать от государства. Прямое получение средств самими предприятиями, с моей точки зрения, это возможная модель, но не факт, что она достаточно эффективная. И очевидно, что она фактически должна применяться только в самых исключительных случаях.

Одновременно с этим надо сказать, что, когда мы говорим, что денег очень мало, а надо на что-то потратить, для меня очевидно, что даже уроки кризиса 2008-2009 годов показали, что некий простой залив деньгами – не самое оптимальное решение. Вполне возможно, если мы действительно говорим о серьёзном дефиците ресурсов, то придётся среди кредитных организаций и, вероятно, среди отдельных секторов реального сектора экономики выискивать приоритеты, которые должны получать эту финансовую помощь. И это очевидно даст эффект по другим направлениям – это и социальные выплаты, и сдерживание безработицы, и так далее.

Спасибо.

О.В. ВЬЮГИН

Спасибо. Достаточно ясный ответ.

Пожалуйста, Сергей Валерьевич.

С.В. КАЛЕЧИЦ

Трудно не согласиться с коллегой. Наверное, наименее эффективный путь – давать деньги куда-то в социальную сферу. Конечно, если ресурсы ограничены, и их нужно распределить максимально эффективно для поддержания внутреннего спроса, создания условий для возобновления роста, очевидно, что это банковский сектор. Хотя такие рассуждения, особенно если причина кризисных явлений лежит в банковском секторе, рожают какое-то настроение у банков: как ни работай, всё равно помогут. Поэтому возникает такая шутка, может быть, стоит дать правоохранительным органам.

О.В. ВЬЮГИН

Четвёртая опция. Я понял. Дальше, пожалуйста, Гарегин Ашотович. Вы за все банки у нас в ответе.

Г.А. ТОСУНЯН

Нет. Я скажу так. Когда мы говорим, есть потребность у промышленности, у экономики, у производства в ресурсах, то всё равно, мы же не будем просто так раздавать деньги. В чём специфика и в чём прелесть банковской системы, которая, кроме, может быть, только нашей страны, во всех остальных странах всё-таки пользуется должным авторитетом и влиянием? В том, что там заложен механизм возвратности, платности и срочности. Поэтому, давая банкам, я не совсем понимаю, когда эти разглагольствования были на протяжении прошедшего времени: раздали деньги банкам. Разве это подарили деньги?

(Ответ: - Конечно, нет.)

Нет, это я не вас имел в виду. Просто я имел в виду, что в прессе была такая интерпретация, что якобы (в отношении вас я бы себе это не позволил) деньги раздавали банкам. Возможно, каким-то банкам и раздавали. Это действительно плохо. Но когда речь идёт о том, что в кризисной ситуации нужно обеспечить функционирование системы, это не ради её спасения, а ради того, чтобы через неё обеспечивать соответствующие производства, промышленность, экономику, людей и опосредованно социальную сферу. А прямая раздача абсолютно бессмысленна, она вредна. И в этом смысле я сторонник диверсификации этой поддержки экономики и производства через диверсифицированное использование банков не по тем критериям, которые у нас были: одних допускают, других не допускают. У нас даже к беззалоговым аукционам были допущены всего 200 с небольшим банков. И именно по критерию крупности, по масштабу. А большая часть этих средств оказалась неэффективно использована. Когда ты диверсифицируешь свою поддержку производства и бизнеса и опосредованно через это кредитных организаций, ты обеспечиваешь кредитную среду, которая в кризисных условиях особенно важна и нужна, и себя проявляет наилучшим образом, и в то же время, конечно, нужен жёсткий контроль. Выдачу средств из госисточников можно делать не только в кризисный период, но и в пост-кризисный период, чтобы не достигать кризиса. Но с условием, чтобы это использовалось под соответствующим контролем. Хочешь работать на свободном рынке, работай за счёт своих средств. Если государство тебе дало какое-то финансирование, будь добр, подчиняйся тем требованиям, которым оно тебя связало.

О.В. ВЬЮГИН

Да, я подразумевал, что делается это разумно, а не путём раздачи.

Пожалуйста, Алексей Юрьевич Симановский.

А.И. СИМАНОВСКИЙ

Спасибо. В рамках предложенного примера мне очевидно, что придётся давать деньги банкам. Почему банкам? Потому что если допустить коллапс банковской системы, это приведёт к коллапсу всей экономики с одной стороны, и к социальным проблемам, с другой стороны. И никакие проблемы на этом фоне на отдельно взятых, пусть и крупных предприятиях, не смогут перекрыть тот эффект, который может иметь место при коллапсе банковской системы. Почему? В моём представлении коммерческие организации должны спасать себя сами. И я в рамках своего выступления и тех выступлений, которые были на предшествующих конгрессах, говорил о системе страхования в разных форматах от системных рисков, от банкротства, как угодно можно их назвать, имея в виду, что есть фонд спасения, условно говоря, фонд поддержки, фонд реструктуризации, или фонд банкротства. Фонд должен создаваться, в моём понимании, самими участниками, в том числе участниками банковского рынка, и в зависимости от социально-экономической значимости участников. Тогда возникнет вопрос, как будут расходоваться средства этого фонда? Я высказывал своё представление, что чем сильнее предбанкротное состояние, фактически банкротство банка, обусловлено действием системных рисков и не сопряжено с деятельностью конкретного банка, тем, наверное, в большей степени данному банку нужно помогать. Если банк ложится от деятельности своего хозяина, своих менеджеров, то ему помогать вообще не надо, потому что ему клиентура может каким-то образом помогать, в зависимости от размеров фонда и греха, который взяли на себя собственники и менеджеры данного банка.

Вот ответ. Спасибо.

О.В. ВЬЮГИН

Да, конечно, подход должен быть индивидуальный, но я ставил вопрос, как это должно быть в принципе.

Сальваторе Росси, пожалуйста.

С. РОССИ

Благодарю вас. Прежде всего, я хочу извиниться, что я здесь единственный, кто не говорит по-русски. Если Вы меня пригласите через год, я смогу говорить на совершенном, прекрасном русском языке.

Подходя к вашему вопросу, этот вопрос ориентирован на конкретную российскую ситуацию. С этой точки зрения, возможно, я не дам вам ответ, но единственное, что я могу сказать на этой дискуссии - это напомнить об опыте Западной Европы, учитывая, что последние два года мы пережили кризис. По существу, это второй акт глобального кризиса, который разразился в американской экономике 4-5 лет назад. Можно даже сказать, что это новое проявление той же болезни, но с другими симптомами. Началось с кризиса государственного суверенного долга в такой небольшой стране как Греция, со специфичными, бюджетными проблемами, проблемами государственного финансирования. Затем это быстро распространилось на Ирландию. Ирландия имела особую проблему, тоже связанную с национальными банками, ситуация банков была гипертрофированной. И затем на Португалию. В Португалии была и есть проблема внешних счетов и торгового дефицита.

И затем в прошлом году стало видно, что кризис сказывается на таких странах, как Испания, Италия и даже в какой-то степени он проявляет себя во Франции.

Недавние проявления кризиса оказались заразными, если можно так сказать. Они связаны, безусловно, с суверенностью банков.

Надо сказать, что большинство наших банков в составе своих активов имели, конечно, государственные облигации. Государственные облигации в зоне евро считались безопасными ещё год назад, с точки зрения риска. Таковыми они больше не считаются, хотя, может быть, в отношении Германии эта позиция сохраняется. Если ваши активы теряют свою стоимость, и вы как банк наблюдаете за этим процессом, то вам, конечно, все сложнее и сложнее искать финансирование. Вам трудно найти источники финансирования на оптовом рынке. Именно это и произошло. В конечном итоге оптовый рынок для большей части наших банков и не только в Италии, в Испании, по всей Европе, иссяк. Он оказался парализованным, сегментированным по национальному признаку. Это имело непосредственное и очень существенное влияние на реальную экономику. В соответствии с оценками, проведёнными по активам Банка Италии Европейским Центральным Банком, значительная часть нашего реального роста на этот и будущий год будет связана с кредитным каналом, который недостаточно хорошо функционирует.

Таким образом, банки столкнулись, как я сказал, 5-6 лет назад с такими понятиями, как финансовая стабильность, центральная роль банковской системы в обеспечении кредитования реальной экономики, не говоря про рынки деривативов и прочее. Эти понятия, как и понятие макроprudенциальной политики раньше даже не обсуждались. Они были за пределами сферы интересов. Они были тогда частью академического интереса аудитории учёных-исследователей. А теперь все эти вопросы становятся жизненно важными для наших экономик, для реальных экономик. Необходимо спасать банки в большинстве случаев. Как вы знаете, американцы, проявляющие наиболее либеральное отношение в этом мире к развитию своей экономики, вложили колоссальные деньги в оказание помощи своим крупным банкам для обеспечения их стабильности. Это урок, который мы получили. Спасибо.

О.В. ВЬЮГИН

Да, действительно, практический ответ на вопрос, как действуют власти стран Еврозоны, которые испытывают суверенный долговой кризис, есть. Действительно, несмотря на требования о необходимости бюджетной консолидации, средства в капитал банков направляются. Правда, как господин Росси правильно сказал, во многом проблемы банков Испании, Италии, Греции и всей Еврозоны связаны с тем, что, конечно, в книгах этих банков было много суверенных обязательств, что в обычной ситуации является нормальным в пределах 30%, насколько я информирован. И кризис суверенного долга во многом спровоцировал проблемы этих банков. Поэтому здесь можно сказать, что правительство чувствует необходимость ответить. В выступлении господина Росси прозвучало достаточно четко, что банки должны быть сохранены. Это есть ответ на вопрос, который я задал.

Пожалуйста, Йорг Бонгартц.

Й. БОНГАРТЦ

Я хотел сначала ответить на первую часть вопроса, на который вы дали ответ: нужны ли банки? Если разрешите, пример истории Дойче Банка, когда он создавался 140 лет назад. Группа немецких промышленников собралась в Германии, они говорили, что им нужен банк для того, чтобы сопровождать экспортную активность этих компаний, чтобы финансирование было адекватным, нужны инвестиции внутри Германии. И эта роль не изменилась до сих пор. Если вы спросите компании, которые ещё есть, типа Сименс и так далее, вы услышите, да, нам нужен банк, который и на международном уровне может нам помочь. Это только один продукт, типа экспортного финансирования. Но если спрашивать всех клиентов, инвесторов, то, наверное, ответ будет однозначен: да, нам нужны банки. Соответственно в этой ситуации государством задаётся вопрос: до какого уровня можно использовать такой ресурс, как денежные или кредитные средства, чтобы спасти ситуацию, и нужно смотреть, какой эффект имеют инъекции таких ресурсов на банковскую систему или как это сможет помочь экспортёрам, промышленности или частным вкладчикам. Об этом Гарегин уже сказал, я могу только согласиться со сказанным: эффект мультипликатора банков в использовании таких редких ресурсов, наверное, наибольший.

Последние годы показали, что рост экономики в долгосрочном плане без этого мультипликаторного эффекта банков был бы невозможен. В чрезвычайной ситуации кризиса все это можно представить как целенаправленную поддержку, но с определёнными механизмами контроля, которые мы уже обсуждали весь день и которые очевидны.

О.В. ВЬЮГИН

Спасибо. Пожалуйста, Наталья Геннадьевна. Вы не банкир непосредственно. Тем более, ваше мнение по этому вопросу было бы очень интересно.

Н.Г. РАКОВА

Но, тем не менее, поскольку здесь много банкиров присутствует, складывается мнение, что действительно нужно направить все деньги в банки. Куда же ещё? Я с этим частично соглашусь, потому что есть эффект мультипликатора, потому что если банковская система здорова, она как кровеносная система человека направит деньги в промышленность, то есть в реальный сектор и в социальные сферы.

А если банковская система уже не здорова? Если кровеносная система не работает? Что делать? Наши коллеги рассказали, как в Европе всё происходит. Россия уже не первый раз оказывается в кризисной ситуации, таких ситуаций было множество, мы уже достаточно опытни в этом плане. И наш опыт показывает, что эффективно в некоторых ситуациях направлять напрямую деньги тому, кому они нужны, то есть промышленникам, на производство, минуя определённый буфер. Но это нужно делать только тогда, когда мы понимаем, что банковская система не в состоянии передать или направить эти средства напрямую.

Спасибо.

О.В. ВЬЮГИН

Спасибо. И Александр Владимирович, пожалуйста, ваше мнение.

А.В. ТУРБАНОВ

Мне проще сказать, что я присоединяюсь ко многим выступлениям, которые здесь прозвучали. Но, наверное, имеет смысл еще сделать некоторые оценки. Я бы структурировал вопросы таким образом.

Первый вопрос. Действительно, должно государство оказать поддержку банкам в кризисной ситуации или нет? И я согласен с ответом, что государству придётся это делать, оказывать поддержку для того, чтобы сохранить жизнеспособность банковской системы. Без неё не будет функционировать экономика, даже если каким-то предприятиям напрямую будет оказана поддержка, без системы расчётов между предприятиями экономика функционировать не будет.

Второй вопрос. Если придётся оказывать поддержку, то каким банкам – всем абсолютно, или должны существовать какие-то критерии, которые подскажут, каким категориям банков в первую очередь должна быть оказана поддержка. Есть ряд мер, которые действительно работают на всю систему, в частности, это поддержание ликвидности. И есть ряд мер – это капитализация и ряд других, которые могут быть направлены только на отдельные категории банков.

Критерии. Один из них, наверное, вырисовывается из возмущения налогоплательщиков. Они возмущаются, почему вдруг за счёт их средств помогают этим «жирным котам», многие из которых сами довели банки до такого состояния. И ответ напрашивается, и здесь он прозвучал, что поддержка должна оказываться добросовестным банкам. Но банки – это же неодушевлённое существо. Не может быть добросовестного или недобросовестно банка, есть добросовестные или недобросовестные банкиры. И здесь тоже прозвучала мысль, что надо правоохранным органам их отдавать. Банкиров можно отдать правоохранным органам, но сам банк может продолжать представлять полезный организм, с его расчётной системой, крупными заёмщиками и так далее. Это нужно дифференцировать. Нужно поддержать банки, одновременно ставя вопрос о привлечении к соответствующему виду ответственности тех, в чьих действиях действительно есть вина. Не может быть объективным, что если твой банк плох, то тебя обязательно нужно привлекать к ответственности.

Наконец, третий вопрос. Он тоже связан с возмущением налогоплательщиков. Почему за счёт наших средств? Из каких источников должна финансироваться эта поддержка? Понятно, что не за счёт средств Центрального банка, а средства государственного бюджета всегда должны задействоваться или нет? Пока получилось так, что исключительно государственные ресурсы были ранее задействованы, мы видели, что в ряде стран эту проблему осознали и стали создавать специализированные фонды, о чём Алексей Юрьевич и сказал: фонды, формируемые заблаговременно за счёт средств самих банкиров. С 2008 года у нас никакого продвижения в этом направлении не произошло. Так что есть предмет для обсуждения, а самое главное – для реализации очень разумной идеи. Спасибо.

О.В. ВЬЮГИН

Спасибо. Ответы были в разной степени обоснованы. Но общее мнение, однозначно сложившееся, что грубый ответ на вопрос, который я задал, - приоритет капитализации банков в случае кризиса. Конечно, капитализация должна происходить разумно, выборочно и, безусловно, первыми должны ответить акционеры, то есть не может быть, что государство капитализирует негосударственные банки, оставляя акционерам всю прибыль, а все убытки принимает на себя. Мы говорим о разумных действиях. И для меня важно, что ответ прозвучал: да, придётся это делать.

Зачем я этот вопрос задавал? Получается, что если банковская система, которая по определению занимается банковскими рисками в экономике, этими рисками управляет плохо, то она потенциально либо несёт, либо наносит общественный ущерб государству, поскольку это управление некачественное. И поэтому, конечно, возникает вопрос о том, что это особый вид деятельности, который должен с точки зрения профиля риска и выявления потенциального риска контролироваться достаточно жёстко.

Сегодня на пленарной сессии были различные выступления, где речь шла о том, что кризис 2008-2009 года поменял в определенной степени парадигму регулятора по отношению к тому, как надо действовать в сфере надзора и контроля за рисками банковской системы, это макропруденциальный надзор, буфер капитала и так далее. Всё это мы хорошо знаем.

И второй вопрос, который возникает: а поменялось ли что-то в голове банков? Я имею в виду менеджмента, акционеров. Я бы хотел, чтобы дальнейшая дискуссия пошла по этим двум направлениям. То есть, что поменялось в голове регуляторов? Мы примерно знаем повестку дня, но не является ли эта повестка дня достаточно формальной реакцией на проблемы? Мы сейчас создадим буфер капитала, ограничим левверидж. Косвенно мы пытаемся этих животных загнать обратно в вольер и видеть всё, что происходит. Не является ли это очередной попыткой имитировать деятельность, а реально, как показывает история, что бы ни делалось, банки попадают в кризисную ситуацию и наносят общественный ущерб? И вообще, можно ли избежать общественного ущерба? Банки и экономика очень тесно связаны. И если валовый внутренний продукт страны падает примерно на 10%, могут ли остаться состоятельными все банки, банковская система в этой ситуации? И как к этому готовиться?

Второе направление – ещё более интересное. Поменялось ли что-то у банкиров в голове после всех событий, которые были в последние годы не только в финансовой сфере России, но в финансовой сфере всех развитых стран? Давайте подумаем в этом направлении, попробуем продвинуться.

У нас здесь есть представители регуляторов. Я бы тогда начал с них, задав этот вопрос, но сформулировав его так: что изменилось в подходе, причём, не лично Алексея Юрьевича или господина Росси - как представителя банка Италии, а что вообще изменилось в мировоззрении, или это просто формальная реакция на проблемы? Я, наверное, предоставлю по 5 минут, может, чуть больше. И адресую этот вопрос в первую очередь Алексею Юрьевичу, потому что он отвечает за эти проблемы в Российском Центральном банке.

А.Ю. СИМАНОВСКИЙ

Спасибо. Наверное, изменилось. Если мы говорим об изменениях, то следует говорить об изменениях в двух форматах.

Первый и, наверное, основной в этом смысле формат – тот формат, в рамках которого определяется международное восприятие событий и международная реакция. Это международный формат и решения, которые были приняты там. Основная – принципиальная часть, по-моему, была принята два года назад и она сейчас реализуется.

И второй формат – это наш национальный формат, который идёт в дополнение к решениям, принятым на международной арене.

Прежде всего, что изменилось именно в моём представлении, опять оговариваюсь, что это экспертная точка зрения, ни в коем случае не претендую на выражение официальной позиции, но психологически – это уровень тревоги, он стал гораздо выше. Если до кризиса было ощущение относительно плавного течения жизни, с большими или меньшими перепадами, но, во всяком случае, никак не находящейся в таком состоянии непосредственной значительной угрозы, не личной, а с точки зрения устойчивости системы, то кризис эти настроения очень резко изменил. По-моему, регуляторы всего мира воспринимают возможность, конечно, не коллапса – коллапса, я надеюсь, не будет допущено нигде, но вещей, которые сопряжены с этим, и представляют угрозу очень и очень реальную.

А следствием в моём понимании явились те экстраординарные решения, которые были приняты на международной арене. Не хочу повторять эти решения, потому что они касались регулятивных подходов, которые были до того, но стали гораздо более широкими. Они распространились на те области, которых раньше регулирование вообще никогда не касалось, считалось, что относится к заработной плате, например, регулятор, государство не должно заглядывать. Тем не менее, мы видим, как всё в этом плане меняется.

Если говорить о том, насколько эти меры эффективны, достигнут ли они эффекта и какой ценой, жизнь покажет. Я не готов сейчас сказать, что все меры одинаково эффективны. Среди тех многочисленных мер, которые реализуются, что-то мне нравится больше, что-то – меньше, что-то я понимаю лучше, что-то я вообще не понимаю. Но дело не в моём персональном понимании, отношении, а в том, что жизнь покажет то, что называется эффективностью тех или иных действий.

Могу сказать, что мне нравится из новых инструментов – простой леверидж. Я считаю, что это правильное решение. Оно может быть эффективным, чем традиционная оценка достаточности капитала, исходя из активов, взвешенных по риску, поскольку риск взвешивается с допусками. И нет уверенности в том, что он взвешивается правильно. Но в качестве примера – то, что касается нулевого риска по суверенным ценным бумагам. В этом смысле считаю, что это такая инновация, которая действительно может помочь. Другой вопрос техники счёта, как рассчитать леверидж, безопасный леверидж. Тут возникают вопросы.

Считаю, что тема, связанная с определёнными ограничениями по оплате труда, в финансовой сфере тоже в моём понимании это принципиально правильное решение, но, как всегда, есть вопрос меры. И ещё некоторые моменты, которые я лично внутренне поддерживаю. Какие-то вещи вызывают мои сомнения.

Что касается национального подхода, я не хотел бы повторять то, что говорилось утром. Но в моём понимании возможен переход, сдвиг от индивидуальной оценки, хотя она у нас делалась и до настоящего времени делается формально. Наша задача состоит в том, чтобы от этого формализма сдвинуться в реальную сторону, в сторону содержательного подхода, о котором мы достаточно много говорим, и кое-что делаем. Этот сдвиг к системному подходу, мировой сдвиг к системной стабильности, к системным решениям, не должен перекрыть значение индивидуального подхода к оценке рисков в каждом отдельно взятом банке. В моём представлении – те же буферы, решения, связанные с оценкой ликвидности, те же требования по системам управления рисками должны строиться, не забывая, конечно, о системных рисках, но применительно к конкретным банкам, обстоятельствам жизнедеятельности данного банка. Соответственно, важны те риски, которые приняты, насколько они понятны и как они управляются.

Ещё одна тема – вне всякого сомнения, для меня, по крайней мере, принципиально важная – это ответственность владельцев и топ-менеджмента банка за содеянное. По моему убеждению, никакие решения регулятивного толка, какие буферы устанавливают, какой леверидж определяет ликвидность и так далее, до тех пор, пока будет враньё, с точки зрения учёта, отчётности, манипулирования инструментами, насколько бы регулятивные нормы рациональны теоретически ни были, они просто работать не будут. Поэтому те организации, которым дана уникальная возможность чужие деньги воспринимать, как свои, должны нести дополнительную ответственность за то, как они обращаются с этими чужими деньгами. Кстати, пришло в «Файненшиэл Таймс» письмо от читателя – не россиянина, естественно, я не помню фамилию, по-моему из Америки, который говорит примерно то, что я сейчас сказал (или я говорю то, что он сказал), что эти банкиры – финансисты получают наши деньги и рассматривают, как свой собственный капитал, используя эти деньги, совершенно не думая о том, что надо иметь возможность эти деньги отдать в любой момент. То есть, тема ответственности за содеянное в моём понимании является чрезвычайно важной.

Это, то, что, наверное, изменилось, по сравнению с тем, что было раньше. До кризиса такие чувства, если и были, то гораздо более мягко ощущались, давали спать.

О.В. ВЬЮГИН

Прозвучало, я так почувствовал, что Алексей Юрьевич сторонник более простых мер, чем сложных. Я, кстати, тоже с этим согласен. Часто более простые вещи работают эффективнее, чем сложная система

регулирования, коэффициенты, риски, взвешивания, valued risk и так далее. Когда сказано – левверидж 1 к 5, я согласен, надо правильно посчитать. Когда есть требование ответственности, но надо понимать, что ответственными бывают только ответственные люди. Сейчас, если безответственный человек, ничего не получится. Действительно, простые вещи часто лучше, чем сложные. Что вы по этому поводу думаете?

В.В. ЧИСТЮХИН

Мне представляется, что в жизни любого банка есть два простых последовательных шага. Шаг первый – это его бизнес, деятельность, операции. И шаг второй – риски. Что показал последний кризис? То, что второму шагу уделялось недостаточное внимание. И сейчас, мне кажется, всем понятно, что вопросу управления рисками должно быть посвящено намного больше времени и усилий, чем уделялось раньше как со стороны регулятора, так и со стороны банков.

Но одновременно с этим хочу спросить, означает ли это, что шаг № 1 менее значим? Нет, ни в коей мере, потому что нет бизнеса – нет рисков. Соответственно, не осуществляешь деятельность, не за чем надзирать, не чем управлять. И так далее.

Поэтому шаг первый по обеспечению нормальных условий деятельности, не стал менее важным, а является ещё более важным в тех условиях динамических изменений, которые происходят на глобальных рынках - замедление роста экономики. Проблема с ликвидностью, с капиталом, битва за клиентов связана с тем, что создаётся намного меньше нового бизнеса. Очевидно, с точки зрения ведения бизнеса банкам надо создать нормальные условия. Это шаг первый.

А потом в рамках второго шага очевидно, что они должны управлять рисками наилучшим образом, а регулятор должен максимально внимательно следить за этим. Если говорить об условиях ведения бизнеса, то мне представляется, что есть три составляющие этого процесса.

Составляющая первая – это устранение регулятивного арбитража, который достаточно серьёзно присутствует. Речь идёт о регулировании финансовых посредников как являющихся кредитными организациями, так и не являющихся. Очевидно, что сегодня банковская система является наиболее зарегулированной (я в хорошем смысле имею в виду). То есть это та система, у которой существуют достаточно высокие стандарты правил деятельности. И есть иные финансовые посредники, которые либо не регулируются, либо регулируются не с той тщательностью. Здесь большое поле для выравнивания условий с той точки зрения, чтобы не было перетока капитала, перетока бизнеса, и все экономические агенты в финансовом секторе понимали, что они подчинены единым правилам.

Этот же вопрос может перетечь в международную плоскость, имея в виду, что те правила, которые мы применяем к нашим банкам неплохо сравнить с теми правилами, которые применяются к нашим основным иностранным партнёрам, конечно, с учётом национальных особенностей. Этого не избежать.

Вторая составляющая заключается в том, что мы многое делаем, чтобы создать нормальную инфраструктуру, нормальные финансовые инструменты. Но очевидно, что здесь нельзя останавливаться на достигнутом. Нужно двигаться дальше. И последние инновации, которые были сделаны с точки зрения центрального депозитария, центрального контрагента и так далее, нужно продолжать. Потому что совершенно очевидно, что когда инвесторы оценивают целесообразность вхождения на российский рынок, они оценивают не только систему управления рисками банков, но и саму бизнес-среду, в которой этот банк работает. И если у нас есть вся необходимая инфраструктура, есть развитый рыночный инструмент, очевидно, что этот вход будет более лёгким, и, возможно, для наших экономических субъектов более дешёвым.

Наконец, третья составляющая – это административная нагрузка. Мы помним, какое количество времени ушло на то, чтобы решить вопрос с кассовой дисциплиной, вопрос контроля за кассовой дисциплиной. Ряд других вопросов остался. Но я при этом прошу обратить внимание, что никоим образом нельзя вопрос административной нагрузки путать с вопросом серьёзного и в определённой степени тяжёлого надзора. Это совершенно разные вещи. Потому что, когда мы говорим о надзоре, мы говорим о системе управления рисками. И я полагаю, что здесь те издержки, которые сегодня банки несут в связи с повышением интенсивности надзора, вполне оправданы.

Но одновременно с этим, в заключение о надзоре буквально два слова, мне представляется, что у нас традиционно была система универсальных банков. Сейчас ситуация немного меняется. Появляются платёжные кредитные организации и так далее. И у нас было универсальное регулирование. Мне кажется, что всё-таки общая логика развития событий идёт к тому, что регулирование может и должно стать дифференцированным. Я приведу конкретный пример, достаточно серьёзно критикуемый, но от этого не менее актуальный, «Базель-2». Если мы говорим о полноценном внедрении «Базель-2», то фактически мы определённые банки ставим перед следующим выбором. С одной стороны, это серьёзный вызов. Он заключается в том, что они должны будут обеспечить максимально качественную систему управления рисками с управлением капитала, корпоративным управлением, и так далее. Но одновременно с этим у них появляются и большие возможности. Это возможности, которые связаны с тем, что они при правильной оценке своих рисков могут освободить часть капиталов и, соответственно, более эффективно строить свой бизнес. С моей точки зрения мы подошли к той границе, когда, с одной стороны, нужно больше требовать, с другой - предоставлять больше возможностей.

Спасибо.

О.В. ВЬЮГИН

Спасибо. Продолжим. Сергей Валерьевич, вы какую точку зрения выскажете?

С.В. КАЛЕЧИЦ

Я боюсь быть некоторым пессимистом в том плане, что все сделали выводы из тех кризисных явлений, которые были. Сделал выводы и банковский надзор, прежде всего. И все продвинулись в этом направлении, и «Базель-3», и требования к капиталу, и различные инструменты хеджирования. Всё это понятно. Но проблема в том, что всё равно в большой степени эти инструменты направлены на хеджирование рисков, с которыми мы давно знакомы.

Банковская система, банковский бизнес, как вообще финансовый сектор – это всегда процесс очень инновационный, связанный с новыми рисками. И как бы ни развивался надзор и требования в этой области, мы, наверное, всё равно где-то на полшага будем либо отставать, либо идти параллельно, но идти впереди и предусматривать всё и всё искоренить никогда не получится. Разве что вернуться к золотовалютному стандарту, возить деньги чемоданами и охранять их хорошо, тогда и рисков не будет, ни финансовых пузырей, ничего остального. Понятно, что никто к этому не готов и никогда этого не будет. Это касается не только банковского бизнеса, это риски, присущие любой динамично развивающейся системе. Это также информационные технологии, транспорт. Поэтому надо быть готовыми к тому, что всё равно вызовы будут. Они будут происходить. Это будут, очевидно, новые вызовы. Это говорит о том, что то, с чем мы знакомы, конечно, надо предотвращать, надо стараться идти впереди, предусматривая максимально все возможные проблемы. Но совершенно их исключить, решить никакими размерами капитала полностью никогда не удастся. Это надо чётко понимать.

О.В. ВЬЮГИН

Спасибо. Сальваторе Росси, вы, наверное, солидарны с идеями «Базель-3» и с мерами, которые сейчас в ЕС пытались реализовать для установления более консервативного контроля за рисками банковской системы. Но, тем не менее, что-то Вы ещё можете добавить?

С. РОССИ

Да, благодарю вас. Я постараюсь ответить на ваш первоначальный вопрос, который касался изменений, если эти изменения возникли в головах регуляторов, в головах надзорных органов. Я думаю, надо разделить англо-американский мир и зону евро. Кризис возник в США, и по прошествии некоторого времени он оказался заразным для Соединённого Королевства.

Мы все помним, два десятилетия рынка, когда саморегулирующиеся финансовые рынки существовали эффективно в техническом отношении. Результаты этого заключались в том, что в индустрии инвестиционного банковского дела отсутствовали правила, регламенты.

Теневое финансирование: операции производились в закрытом формате, слишком много задолженности, мало капитала, мало внимания обеспечению ликвидности. Всё это поменялось в головах надзорных органов и регуляторов в Соединённых Штатах и в Соединённом Королевстве. Мы все помним, что 15 лет назад в Соединённом Королевстве надзорные органы регулировались Центральным Банком Англии. Но сейчас они понимают, что финансовое регулирование и финансовый надзор должны в идеальном варианте проводиться совместно тем же учреждением. И снова в идеальном мире это учреждение должно быть Центральным Банком, который имеет полномочия по предотвращению заимствований. Но в большинстве стран это всё-таки разные учреждения. С одной стороны, это регулирующие органы; с другой стороны – это надзорные органы. Это касается англо-американского мира. Много изменений было в Соединённых Штатах. Они очень беспокоятся о регулировании инвестиционного банковского дела, а также о теневой банковской системе. Международные организации такие, как Совет по финансовой стабильности, хотят создать эффективные инструменты, доступные для регулирующих органов, в особенности при решении очень важных вопросов с системно значимыми финансовыми институтами. У нас существует традиция внимательного надзора, который вмешивается в деятельность банковского учреждения. Я бы сказал, что в Италии существует много надзора, который направлен на вмешательство в деятельность банка в значительной степени, и не дает возможность конкурировать для национальной системы.

Кризис, который мы переживаем, показал, что то, как мы осуществляем регулирование и надзор, является важным, с точки зрения бдительности. Итальянские банки, где операции были защищены на первой стадии кризиса, пережили две рецессии. Вначале очень глубокую, вторая сейчас приближается. Качество кредитования ухудшается, и итальянский банковский сектор страдает от этого. У нас нет теневой банковской системы. Она никогда не была разрешена, наш Центральный Банк не допускал её существования. У нас также существует сложность в координации подходов различных национальных надзорных органов Европы. У них введены в деятельность различные практики. Сейчас у нас существует Европейская архитектура для зоны евро. В нее включены Европейские органы власти, это достаточно сложная архитектура. Тем не менее, нам нужно найти способ для её гладкого и правильного функционирования.

О.В. ВЬЮГИН

Спасибо. Александр Владимирович, Вы сегодня на пленарном заседании высказывали некоторые предложения, и фактически АСВ –необычная, но тоже форма регулятора на банковском рынке. У меня тот же вопрос к вам. Но, может быть, поскольку вы уже высказывались, более конкретно, с точки зрения деятельности вашей организации, что уже поменялось, и что вы считаете важным поменять.

А.В. ТУРБАНОВ

Естественно, я вновь обращусь к основному регулятору в России –Центральному банку, что в его голове, на наш взгляд, поменялось, и что не поменялось. Я думаю, что поменялось очень многое и в правильную сторону. Мы видим повышение количественных и качественных требований к капиталу. Что за банковская система без достаточного капитала?

Но одновременно, ремарка по свежим следам, не так давно при одном обсуждении в правительственных кругах я услышал выступление, в котором достаточность капитала в России оценивалась очень высоко.

Вопрос: - На основании чего?

- На основании официальной отчётности.

Коллеги, а мы с вами убеждены, что эта отчётность достоверна и адекватно отражает реальное состояние? Мы, получая банк для проведения ликвидационных процедур, убеждаемся, что всё с точностью до наоборот. Я исхожу из того, что у нас есть достаточно много добросовестных банкиров, которые предоставляют достоверную отчётность. Как можно управлять системой, управлять рисками в банковской системе со стороны Центрального банка, если Центральный Банк не получает достоверной отчётности? И с этой точки зрения обеспокоенность была высказана Центральным банком. Он тоже понимает это, и это правильный сдвиг. И вопрос об установлении ответственности за предоставление отчётности ставится совершенно обоснованно.

Системные риски, сейчас об этом идёт разговор. И в этом направлении Центральный банк сделал решительный шаг. Это очень здорово. Но почему-то я одновременно слышу опасение, как бы не предать забвению надзор за конкретными банками. Я думаю, что нет основания для такого опасения. У Центрального банка хорошо выстроена система территориальных учреждений, главков и национальных банков. Их задача – осуществлять этот надзор за конкретными банками. Она была, она остаётся, она будет. А Центральному банку на Неглинной и на Житной, действительно, нужно больше внимания направлять на выявление системных рисков. Что не нашло пока проявления? Это понимание того, что Центральный банк должен в своих рассуждениях, умозаключениях и намерениях выстроить стройную систему, выйти за рамки только банковской системы, и оценить экономику в целом. Здесь у меня есть опасения, что полное понимание пока не присутствует.

На мой взгляд, и в России, и в мире в итоге сформировалась неверная экономическая модель. Менять ее нужно. На мой взгляд, боюсь, что либералы закидают меня тухлыми яйцами, модель либеральной рыночной экономики доказала свою несостоятельность, во всяком случае, в том виде, в каком она сформировалась, основываясь на либеральном подходе. Менять нужно саму экономическую модель. А в чём это проявляется? Характер этой модели спекулятивен. Мы это видим на примере рынка деривативов. Его размер приблизился к цифре, которая применительно к экономике не звучала ранее никогда - триллион. Это в несколько раз больше, чем вся реальная экономика, чем совокупный ВВП всех стран мира.

Это было зафиксировано. После 2007-2008 года были провозглашены лозунги, что надо регулировать и несколько сокращать этот рынок. Он сокращается? Он дальше растёт семимильными шагами. А рынок недвижимости, особенно у нас в России – это что? Это не спекулятивная модель? В чистом виде. Вот это нужно менять. И я думаю, что Центральный банк должен стоять в первых рядах тех, кто вносит предложения по реформированию экономической модели.

Спасибо.

О.В. ВЬЮГИН

Надо сказать, что рынок вторичных и третичных финансовых инструментов и, может быть дальше, возник по понятной причине: попытка перераспределять риски. То есть банки, действуя в экономике, берут первичный риск.

(Реплика: - Я не против инструментария.)

Берут первичный риск. Но, естественно, всегда следующий шаг – это попытка этот риск передать или его как-то перераспределить, поскольку в мире существует много финансовых институтов. Это не только банки, это и другие финансовые институты, которые готовы брать эти риски.

Что действительно было ошибочно? Это то, что этот рынок начал развиваться и рос без всякого регулятивного контроля. Потому что в принципе регулятор – это тот, кто является якорем. В кризисе он пытается быть якорем. Конечно, сейчас ответ на этот рынок, на эти процессы заключается в том, чтобы пытаться создать для вторичных инструментов депозитарии, централизованный контроль, клиринг централизованный с тем, чтобы понимать эти риски и то, что нужно контролировать. Так что, это то, что изменилось, правда, это не реализовано никоим образом.

Сейчас первые Соединённые Штаты, которые пытаются создать депозитарий для всех деривативов Соединённых Штатов, а значит, и для всего мира. Посмотрим.

Хорошо. Эту часть дискуссии мы прошли. Пока итог подводить не буду.

Вопрос: - Вы спросили, что изменилось у регуляторов?

- А сейчас я хочу перейти к *следующему вопросу: а что изменилось на стороне банков?*

Тут, Гарегин Ашотович, вопрос, наверное, прежде всего к Вам, поскольку Вы общаетесь с первыми лицами большого количества банков по своему роду деятельности. Но, не требуя от Вас никаких заключений и выводов, хочу просто, чтобы Вы поделились с нами своими ощущениями, что изменилось после кризиса. Как руководители банков, соответственно сами банки что-то поменяли или всё остаётся по-прежнему? Или как-то ещё можно на этот вопрос ответить, более тонко?

Г.А. ТОСУНЯН

Спасибо. Только я хотел расширить вопрос в том смысле, что я общаюсь не только с руководителями банков, но и с Центральным банком тоже. В этом смысле мы в диалоге.

О.В. ВЬЮГИН

Сейчас сторону Центрального банка мы не услышим.

Г.А. ТОСУНЯН

Вы услышите сторону Центрального банка глазами Центрального банка.

Что изменилось в поведении Центрального банка и в поведении участников рынка их глазами, - я не могу сказать, что я аккумулирую всё представление, но с точки зрения участников рынка и тех, кто понимает, по крайней мере, их позицию, я попробую в двух словах. На самом деле очень серьёзный сдвиг произошёл, мне кажется, в сознании одних и других. То есть, с точки зрения Центрального банка, в том числе, много позитивных сдвигов произошло. По крайней мере, мы чувствуем попытку, стремление, желание действительно вникнуть в проблемы, которые возникают в сути тех или иных рисков. И эта глубина погружения вызывает уважение, симпатию, как бы ни было это болезненно для самих участников рынка. И этот сдвиг произошёл. Это факт. Причём он произошёл достаточно оперативно, когда в октябре 2008 года пришлось всем совместными усилиями искать решения из очень сложного положения, в котором все оказались, и выявилось, что система дозрела до уровня адекватного восприятия проблем, а не перекалывания проблем друг на друга. Поэтому мы тот период очень высоко оцениваем – конец 2008 года с точки зрения, что и Центральный банк, не только Центральный банк, но и финансовые власти, и законодательные в этот момент очень оперативно отреагировали, грамотно, слушая участников рынка. И участники рынка тоже себя повели достаточно ответственно в тот период. Хотя понятны были издержки, связанные с тем, что было желание как можно больше в этот момент себя перестраховать. Понятно, в такой острой ситуации.

Потом пошёл процесс более длительного осознания того, что делать дальше. И в этом смысле Центральный банк, мне кажется, дал крен в сторону избыточной перестраховки. Все эти стремления через резервы, соответствующие буферы, создать какие-то меры безопасности, другие меры нехорошие, как подсказывает мне Алексей Юрьевич, мне кажется, здесь пошёл некоторый, может быть, избыточный, может быть, с точки зрения Центрального банка, оправданный, но я в данном случае выражаю мнение многих участников рынка, перебор.

Если говорить о самих участниках рынка, то произошло тоже серьёзное осознание того, что замечания Центрального банка, предостережения, предупреждения не пусты. Они не с потолка взяты. Это осознание произошло, даже где-то с избыточным страхом стали сами себя ограничивать. И избыточная ликвидность потом – в период 2009-2010 года тому свидетельство, когда многие банки не только и не столько по требованиям надзорного органа, сколько сами, предъявляя заёмщикам слишком высокую планку требований, стали ограничивать возможности кредитования, как и возможности каких-то активных, тем более авантюрных действий. То есть явная зрелость проявилась и у тех, и у других, хотя с некоторыми отклонениями.

Я на единичных примерах приведу эти отклонения. К примеру, есть один банк, не буду его называть, который показывает достаточную динамику роста, причем, за счёт средств инвестора, то есть за счёт определённой предварительно проведённой работы. Ему говорят: исходя из общих соображений, такая динамика роста нам кажется рискованной. Надо ограничить. Начинают давать ему рекомендации.

Это слишком быстрый рост, хотя нарушений нормативов нет. Никаких претензий нет. Более того, первым делом банк идёт на какое-то сокращение своей динамики. Но, как банк объясняет, у него рушится вся стратегия, концепция на развитие. Причём, за счёт собственных средств. Спрашивается: оправдано в данном конкретном случае? В данном случае, может быть, есть дополнительные неизвестные аргументы. Но когда мы смотрим не точечно, а в целом, взяв упор на то, что надо обезопасить и главное – обеспечить минимизацию рисков, то приходится напоминать, что самые низкие риски (в одной интерпретации) на кладбище. Нельзя обеспечить абсолютный ноль по рискам. Всегда надо взвешивать то, о чём говорил мой коллега, что развитие и, соответственно, риски стоят на чаше весов.

И ещё я хочу сказать, что в вопросе надзора произошли некоторые позитивные, очень существенные сдвиги. Например, сегодня первый раз Алексей Юрьевич предложил нам с Аксаковым надзирать за Центральным банком во время контроля регламента. А потом он упрекнул, что мы недостаточно обеспечили

должный надзор, но мы решили, что нельзя подходить формально к надзору. Формальный надзор был в данном случае неуместен, и мы хотели тем самым показать, как надо себя вести.

Завершая, я вспомнил в этом контексте, у Эдварда Радзинского есть «Прогулки с палачом» по поводу диалогов Сенеки и Нерона. Там есть такой эпизод, когда юного тирана учит морали учитель, привлечённый за большие деньги. Он его воспитывает, учит, учит, учит. Приходит время, когда надо расплатиться с учителем. А ученик говорит: - Не заплачу я тебе. – Как? – А очень просто. Ты же меня учил нравственности, честности, порядочности, добродетели. А я таким не стал. Я такой негодяй, что, несмотря на то, что ты потратил на меня кучу времени, мне не хочется тебе платить. Значит, ты меня плохо учил. Потому что я не хочу и не заплачу.

Это пример очень диалектичный. То есть своим поведением он доказывает, что воспитание, которое он получал, не сработало. В вопросе надзора тоже очень важно не провоцировать через своё недоверие, через огульный подход, идею, что все потенциальные нарушители, и поэтому мы сторонники мотивированного суждения.

И самый последний штрих, я с Александром Владимировичем хотел чуть-чуть не согласиться. Понимаете, в том, что до огромных масштабов дошли деривативы, нет ничего трагичного. То, что требуется регулирование, безусловно, когда объёмы нарастают. Нет ничего удивительного, когда нас пугают – не Александр Владимирович, а многие другие, что деривативы выросли, в этом весь эффект развития финансового рынка. Когда были ракушки, количество ракушек соответствовало в лучшем случае количеству баранов, которыми торговали. Когда ракушки перешли в золото, то количество золота на порядок превысило общий объём находящихся в обороте ракушек. А когда перешли к бумажным деньгам, это количество ещё больше увеличилось. А когда перешли к электронным деньгам, тем более – к деривативам, то масштабы, естественно, ещё три нуля прибавили. Не в этом зло, не в этом проблема. Проблема в том, чтобы уметь грамотно сегментировать рынки, регулировать, но при этом точно обеспечивать это регулирование, а не просто наваливать на весь рынок соответствующие требования и потом ждать какого-то позитивного эффекта.

Спасибо.

О.В. ВЬЮГИН

По-моему, Центральный банк у нас очень деликатный в надзоре.

Г.А. ТОСУНЯН

Если бы только в надзоре, он во всём деликатный.

О.В. ВЬЮГИН

Алексей Юрьевич, вы хотели два слова сказать.

А.Ю. СИМАНОВСКИЙ

Я не знаю, меня Олег Вячеславович обезоружил оценкой степени деликатности Центрального банка. Я применительно к двум моментам хотел два слова сказать. Одно – что касается, условно говоря, деривативов, продвинутых инструментов. Относительно ракушек – не очень приятное сравнение, но ракушки ракушками. Эта ситуация с раздуванием деривативного, неуправляемого, нерегулируемого рынка – больше была похожа на раковую опухоль, извиняюсь, это имело значение с точки зрения устойчивости экономики и продолжает иметь значение.

Что касается трогательной, сентиментальной истории, которую Гарегин Ашотович рассказал в отношении того, как мы прессуем не названного (кстати, он жив ещё?) банкира. Гарегин Ашотович, когда вы решите, приходите к нам на работу советником. Вы посидите, посмотрите, послушаете, мы вам покажем соответствующую информацию, которой мы располагаем, и исходя из которой мы действуем. Я вас уверяю, такие истории вы вряд ли будете рассказывать в аудитории. Вы будете рассказывать другие истории, больше похожие на то, что говорил Олег Вячеславович про нашу деликатность.

О.В. ВЬЮГИН

Давайте, не будем продолжать эту дискуссию, она носит больше частный характер.

У меня теперь вопрос к господину Бонгартцу, вопрос примерно тот же. Единственно, я только бы добавил, как ощущение риска, стало ли более острым? И всё-таки как оно изменилось? Ваша оценка, необязательно Дойче Банка. Вы с коллегами общаетесь. Наверное, много знаете. Или всё по-старому?

Й. БОНГАРТЦ

Безусловно, многое поменялось и на глобальном уровне, и здесь в России в культуре, и не только в управлении рисками, и в правилах игры. Банки постоянно были и до кризиса в процессе улучшения механизма, улучшения системы. Как мы все видели, это было недостаточно. Но было бы, наверное, неправильным говорить, что только после кризиса что-то изменилось. Изменения существенные. Целые бизнес – модели поменялись. Некоторые банки вышли из сегментов рынка, в которых они были не в состоянии управлять теми системами, которые были, новые инвестиции и технологии, и кадры были бы слишком дорогие. Следовательно,

они вышли из этих рынков. Другие банки закрыли региональные отделения. Некоторые сбалансировали бизнес-модели таким образом, чтобы они улучшали базу фондирования через новые сети или покупки соответствующих банков.

Наш пример. Дойче Банк купил Почтовый банк Германии. Это существенное повышение стабилизации базы фондирования.

Что касается управления рисками, здесь много было сделано и продолжается уже в диалоге с регуляторами. И в ответ на новые правила игры банки выходят опять из наиболее рискованных операций, особенно из операций за свой счёт. То есть, опять Дойче Банк вышел фактически полностью из торговли рискованными активами за собственные деньги.

Изменилось и отношение к кадровой политике, новые комбинационные правила игры. Многим банкам, конечно, не нравится. Но будет долгосрочная компенсация. Надо было ввести, она есть сейчас. Бонусы распространяются частично - на 3 года. Если в течение определённых сроков сделка покажет, что она убыточна, человек может и не получить соответствующий бонус. Хотелось бы, чтобы и в России эта система была ещё более распространена, потому что мы, конечно, чувствуем себя сейчас в некотором *disadvantage* по отношению к другим коллегам, которые ещё следуют традиционной схеме компенсаций и так далее

В целом, мне кажется, процесс идёт дальше. И что особенно важно, пример – диалог сегодня с Банком России и другими регуляторами, диалог между коммерческими банками, банковской системой, регуляторами и государством очень тесный. Потому что мы теперь вместе должны идти достаточно незнакомым путём, неизвестно, какой будет кумулятивный эффект от всех этих новых правил, и соответственно в ближайшие годы надо много корректировать. И здесь очень важен непосредственный диалог и готовность банковской промышленности идти на компромиссы.

О.В. ВЬЮГИН

Спасибо.

Сейчас мы говорим, что наличных денег в мире довольно много. Наталья Геннадьевна, как вы считаете, это нормально или со временем вообще их не будет?

Н.Г. РАКОВА

Наша компания занимается в основном сферой наличного денежного обращения в мировом масштабе. И мы всегда смотрим на обстановку в мире, когда произойдёт – через 10 лет, через 20 такая ситуация, что не будет наличных денег, и мы должны будем заниматься другой деятельностью. Тем не менее, притом, что и автоматизация, и электронные платежи, и другие средства платёжной системы растут, мы видим, что, несмотря на всё это, количество бумажных денег в мире не сильно, но растёт. Действительно, это так. И нагрузка на экономики в области организации налично-денежного обращения также растёт.

Возвращаясь к предыдущему вопросу, что изменилось в связи с кризисами, мы очень чётко следим за теми изменениями в области организации наличного денежного обращения в России, в том числе, в связи с кризисом. И очень примечательно то, что сегодня не раз поднималась тема о том, что наше государство, регуляторы принимают участие в дискуссии, принимают очень большое количество мер для стимулирования безналичных платежей, сокращения рисков, связанных с применением наличных денег. Но, тем не менее, в сфере регулирования наличного денежного оборота также проводится очень большое количество мероприятий. Надо сказать, это не секрет, несколько лет тому назад Центральный банк России провел достаточно большие исследования с несколькими партнёрами, в том числе с нашей компанией. И создал по результатам этих исследований оптимальную теоретическую модель оптимального наличного денежного обращения в России. И сейчас все те меры, которые мы видим и в области изменения в регуляторе, и у регуляторов в Центральном банке, и те нормативные изменения, которые сейчас выпускаются для кредитных организаций, это следствие этой теоретической оптимальной модели наличного денежного обращения.

Надо сказать, что традиционно Центральный банк уделяет этому направлению большое внимание. А кредитные организации всегда немного на задний план переносят эти вопросы. Наш регулятор и нормативно, и организацией дополнительных инспекций, в прошлом году ездил по всем регионам с тестовыми банкнотами, по всем кредитным организациям проверяя техническую оснащённость. Такими способами Центральный банк пытается привлечь больше интереса к этому вопросу и повысить автоматизацию. В России есть основные направления деятельности: модернизация, повышение производительности труда. Всё это активно и в сфере наличного денежного обращения в кредитных организациях. То есть, это то, чем нужно будет заниматься в ближайшее время, что будет противодействовать кризисным явлениям и сокращать риски.

Спасибо.

О.В. ВЬЮГИН

Спасибо. У меня есть предложение. Аудитория терпеливо слушала всю дискуссию. И теперь есть возможность задать вопросы. Если есть желающие задать вопрос, пожалуйста, можно подойти к микрофону и его озвучить. Это в знак благодарности за терпение.

А.И. МИЛЮКОВ

Я даже не задаю вопрос, а написал 8 пунктов по результатам дискуссии.

Конгресс должен дать что-то не только частное, но предложить концептуальное, глобальное. Всё, что говорилось по поводу вашего вопроса, что изменилось, касается борьбы с последствиями кризиса, как выйти из кризиса, как улучшить положение. А где же главное: как же (пусть я в какой-то мере перекликаюсь с Алексеем Юрьевичем), уйти, как не допустить эти потрясающие потрясения. Поэтому, может быть, нам записать некоторые соображения по этому вопросу, что и Центральный Банк, и наш конгресс считают, что надо (это мой 4-й пункт) больше использовать систему воздействия на экономику. Я не скажу о полной управляемости. Но мы, конечно, помним, был такой Маркс, который в 1-м томе «Капитал» написал, что цикличность кризиса неизбежна. В борьбе с этим мы ввели плановую систему, перегнули палку. И навредили очень сильно, и погубили важные идеи.

Надо объединять, надо конструировать. То, что делал в какой-то мере Китай. Они, конечно, тоже страдают от кризиса. Так или иначе, они управляют глобальными пропорциями.

Поэтому надо было бы (я перескакиваю много пунктов), чтобы мы от имени конгресса предложили Центральному банку и Правительству, и главное – Минэкономразвитию, которое в принципе должно заниматься глобальными проблемами, не частными пунктиками закона, определять главные пропорции, а рынок будет обслуживать всю эту структуру общества, это мой крик души.

О.В. ВЬЮГИН

Понятно. Наверное, можно согласиться, что так вопрос ставить можно. Но эта панель, скорее, так получилось, признана зафиксировать факты. То есть попытаться понять статус сегодня. Есть ещё вопросы? Нет.

Тогда я подведу коротко итоги дискуссии и поблагодарю всех участников. Какое у меня сложилось впечатление по тому, что говорилось сегодня? Однозначно в сознании произошли изменения. Это, пожалуй, самый главный результат. Правда, пока эти изменения в сознании не транслировались в серьёзные реальные шаги. Хотя на стороне банков я могу сказать, что, можно названия банков озвучивать, ряд банков поменял модель бизнеса, то есть от модели, достаточно агрессивной, высоко маржинальной перешли к моделям более интересным, с точки зрения долгосрочного развития и профиля риска. Это действительно произошло. Хотя есть банки, которые ничего не поменяли. То есть они восприняли ситуацию так, что это была проруха. Но сейчас мы быстро выкрутимся и дальше опять той же столбовой дорогой вперёд. Это нормальная реакция, все по-разному реагируют, хотя в сознании, мне кажется, в целом изменения произошли.

На стороне регулятора более ясно было сказано, потому что мы имели больше на панели высокопоставленных представителей Центрального банка, которые могли личное мнение высказывать. Но всё-таки изменения в основном произошли в сознании, которое пока транслируется, я бы так сказал, в весьма деликатные шаги по претворению этого сознания в жизнь. Время покажет. К сожалению, или к счастью, этот кризис развивается таким образом, что он не даёт большой передышки. То есть, если бы кризис был классический: ухнуло, взорвалось, прошёл год-полтора и всё опять восстановилось, тогда можно было бы покричать о том, что надо всё менять. А потом сказать: ну, ладно, всё нормально, живём дальше. Этот кризис другой. Он будет изматывать нас ещё долго. Он мотает уже 3 года, будет ещё дальше мотать. И, наверное, это заставит тех людей, которые причастны к принятию решений, прийти к каким-то практическим шагам. А практические шаги понятно, какие. Идеальных решений не бывает. Но то, что профиль риска банков такой развитой экономики, которая сегодня есть, и финансового сектора должен контролироваться более жёстко, это очевидно. Вопрос в правильном выборе методов, которые позволили бы реально этот риск контролировать. Сейчас идёт нащупывание этих методов. История показывает, что, как правило, временно удаётся такие более или менее эффективные рычаги нащупать. Но потом, когда наступает благополучный период, всё меняется. Мир развивается, старые рычаги перестают действовать, их неинтересно держать в руках. И случается новый кризис. Но, как говорят, это уже длительный период развития, и, наверное, с этим просто можно смириться.

Наверное, это главный результат дискуссии, что в сознании изменения есть, а реальные действия ещё впереди.

Спасибо всем за внимание. Спасибо участникам панельной дискуссии за то, что они пришли, потратили время и интересно высказывались.